

ИГРА ЕГО
БЫЛА
ОГРОМНА...

Захар Прилепин

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ:

ПОДЕЛЬНИК
ЭПОХИ

Издательство

АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09 Леонов Л.М.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Леонов Л.М.
П76

Художник — Владимир Мачинский

Автор и «Редакция Елены Шубиной» выражают благодарность агентствам ИТАР-ТАСС и РИА Новости за предоставленные фотоматериалы

Прилепин, Захар.

П76 Леонид Леонов: подельник эпохи : [биография] / Захар Прилепин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 795, [5] с. — (Литературные биографии).

ISBN 978-5-17-116554-3

Леонид Леонов (1899–1994) — белогвардейский офицер и рядовой красноармеец; купеческий сын и модный литератор, которого Максим Горький назвал своим преемником; драматург, чьи пьесы снимаются из репертуара звонками Сталина, и мэтр, которого с девяностолетием поздравляет Михаил Горбачев... Невероятно, что всё это могло поместиться в жизнь одного человека.

Славе его первых романов — «Барсуки», «Вор» — завидовали Булгаков и Набоков, пьесу «Унгиловск» поставили во МХАТе при Станиславском, а публикация последнего романа — «Пирамида» — опоздала на несколько лет, чтобы стать бестселлером эпохи перестройки наравне с «Детьми Арбата».

УДК 821.161.1.09 Леонов Л.М.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Леонов Л.М.

ISBN 978-5-17-116554-3

© Прилепин З.
© ООО «Издательство АСТ»

Оглавление

От автора	9
Глава первая Родители. Зарядье. Детство	17
Глава вторая Гимназия. Революция. Оккупация	54
Глава третья Фронт. Красноармейские газеты. Возвращение в Москву	100
Глава четвертая Начинается литература. Сабашниковы. Первые книги	136
Глава пятая Современники. «Вор»: две редакции	173
Глава шестая Теплопожатие: Леонов и Горький	227
Глава седьмая Леонов и Сталин	326
Глава восьмая Нашествие и Возмездие	450
Глава девятая Депутат Русского леса	489

Глава десятая EUGENIA IVANOVNA И МИСТЕР МАК-КИНЛИ	557
Глава одиннадцатая БОЛЬШОЙ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ	594
Глава двенадцатая ПРОРОЧЕСТВА И ЮБИЛЕИ	652
Глава тринадцатая «ПИРАМИДА»	703
Основные даты жизни и творчества Леонида Максимовича Леонова	741
Библиография	749
Основные издания, посвященные Леониду Леонову	755
Краткий указатель произведений Леонида Леонова, упомянутых в книге	759
Указатель имен	766

*Выражаю благодарность Дмитрию Быкову, который
летним днем 2005 года надоумил меня написать
жизнеописание Леонида Леонова,
Николаю Андреевичу Макарову, внуку Леонида Леонова —
за помощь и понимание,
Наталье Леонидовне Леоновой,
дочери писателя — за гостеприимство
и критические замечания, далеко не все из которых, каюсь,
были учтены в этой книге,
Ольге Ивановне Корнеевой, возглавляющей Государственный
архив Архангельской области, — за любезно предоставленные
неизвестные ранее документы о пребывании
Леоновых в Архангельске,
Андрею Рудалёву и Эду, приютившим меня в Северодвинске,
Алексею Коровашко, Илье Шамазову
и Алексею Коленскому — за дельные советы,
а также всем, изучавшим жизнь и творчество
Леонида Леонова и тем самым серьезно облегчившим
мне работу над этой книгой, издателям,
публикующим сей труд.*

Автор

От автора

Леоид Максимович Леонов — мир непомерный. Путешествовать в этом мире надлежит с богатым запасом сил, с долгой волей и спокойным сердцем. С пониманием того, что он полноправно граничит с иными мирами мировой культуры.

Принимаясь за свой труд, мы знали, что наше путешествие в мир Леонова лишь началось. И едва ли даже путь длиною в жизнь позволит пройти хотя бы раз каждой тайной тропой.

Тем более что нам памятны уже пройденные места в этом мире, куда так хочется возвращаться из раза в раз. Там пришлось пережить минуты, быть может, наивысшего счастья читателя и слушателя. Там замирало сердце от внезапной высоты и от пугающей глубины.

Вот несколько наименований тех мест, что отозвались радостью или прозрением.

Повесть «Evgenia Ivanovna» — как мягкий, теплый круг на солнечной стене.

«Петушихинский пролом» — внезапно открывшаяся, беззвездная, черная вышина, вспугнувшая взгляд так, что сами в ужасе зажмуриваются веки.

Величественная «Дорога на Океан», где врывается зимний воздух в распахнутое окно и взметаются ледяные шторы, полные хрусткого снега.

«Необыкновенные рассказы о мужиках» — как тяжелая, густая смурь над среднерусской деревней, в которую вдыхаешься долго и безответно.

Роман «Вор», который сам есть отдельный мир удивительного городского многоголосья, живых теней Благуши, предсмертной высоты цирковой арены, пивной пены московских нэпманских кабаков, тоскливых тупиков Достоевской нашей родины...

И «Пирамида» — почти бесконечный путь, где за каждым поворотом новые неисчислимы, выворачивающие разум, перекрестья. Идешь им, иногда словно в душном бреду, иногда словно в прозрачном сновидении, порой словно ведомый кем-то, порой напрягая все силы разума, дабы не заблудиться, — и нежданно выходишь на страшный пустырь размером в человеческую душу...

Сказанное Леоновым таит великое количество пророчеств. Нечеловеческим зрением своим он зафиксировал несколько движений Бога.

В прозе его равно различимы первый детский смех и последний тектонический гул глубинных земных пород.

Читая Леонова, иногда будто бы скользишь по-над ясной водой, но иногда словно продираешься в тяжелом буреломе, под хруст веток, глядя вослед заходящему, оставляющему тебя в черном лесу солнцу.

И только упрямый путник будет вознагражден выходом на чистую, открытую небесам почву, где струится холодный ключ, целебней которого нет.

Кому-то может показаться, что в случае с Леоновым все понятно: совпис, многократный лауреат, орденосец, «Русский лес» и что-то там еще...

Но ничего ясного вовсе нет: ранняя его пронзительная проза не прочитана и даже не опубликована толком; «советские» романы его, страшно сказать, почти не поняты, хотя переизданы десятки раз на десятках языков; о «Пирамиде» и речь вести трудно: неизвестно, с какого края к ней под-

ступаться; те же, кто подступался, — зачастую видели лишь свой край, и то — насколько хватало зрения.

Сама судьба Леонова амбивалентна: ее легко можно преподнести и как несомненно успешную, и как безусловно трагическую.

Родился в Москве, в семье забытого ныне поэта-суриковца. Семья распалась, когда Леонид еще был ребенком: отца отправили в ссылку, и он покинул столицу с новой женой, оставив в Москве пятерых детей.

Юность Леонова пришлось на Гражданскую войну.

Не испытывая очевидной симпатии к большевикам, в силу обстоятельств он попал в Красную армию. Собственно Гражданскую войну Леонов описывал очень мало и вспоминать эти времена не слишком любил.

Вернувшись в Москву, Леонов пробовал поступить в университет и провалился.

Начал писать прозу и выступил с рядом рассказов и повестей, сразу принесших ему признание определенного круга читателей — но не критики.

Со второй половины двадцатых годов Леонов выступает как драматург. Одна из первых его пьес была запрещена вскоре после премьеры. Еще более трагична была судьба другой, написанной накануне войны, пьесы — она подверглась сокрушительному разносу.

Куда более Леонов известен как романист. Имя писателя часто ассоциируется с жанром производственного романа. По внешним признакам к этому жанру можно отнести книги Леонова, изданные в тридцатые годы: «Соть», «Скутаревский», «Дорога на Океан». Со временем, но далеко не сразу, они принесли Леонову и читательский успех, и блага, даруемые властью. Однако сегодня, вместе с полной потерей актуальности жанра производственного романа, почти исчез и читательский интерес к Леонову.

Самое, пожалуй, известное произведение Леонида Леонова, роман «Русский лес», вышедший в 1953 году, сначала едва не растерзанный в пух и прах литературными недоброжелателями, а потом неожиданно удостоенный

Ленинской премии, для современной читающей публики является, с позволения сказать, непроходимо советским.

После «Русского леса» в течение полувека Леонов не публиковал больших вещей, да и публицистика его появлялась в печати все реже.

Писатель постепенно исчез из эпицентра литературной жизни, уступив его иным властителям дум. На исходе восьмидесятых многие думали, что Леонова и в живых уже нет.

Известен знаменательный диалог тех лет меж Никитой Сергеевичем Михалковым и его отцом, баснописцем, автором трех гимнов Сергеем Владимировичем.

«— Папа, а Леонид Леонов еще жив?»

— Жив.

— И все еще соображает?

— Соображает, но боится.

— Чего боится?

— Соображать».

Еще более категорично высказался Михаил Веллер в своем романе «Ножик Сережи Довлатова»:

«...уже второе поколение читает и цитирует “фантастов” (низкий жанр!) Стругацких — и хоть бы одна зараза ради разнообразия призналась, что выросла на Леониде Леонове».

Часть нового литературного истеблишмента фактически отказала Леонову в литературной значимости.

Впрочем, статус советского литературного вельможи еще продолжал по инерции действовать на представителей власти. В 1989 году, в честь девяностолетия писателя, Леонова навестил генсек Михаил Горбачев, между прочим, выразивший при встрече свое восхищение романом юбиляра «Бруски». Увы, Леонов никогда не был автором этого произведения, принадлежавшего перу писателя Федора Панфёрова.

Незадолго до смерти, уже в девяностые, Леонов попал в больницу с диагнозом «рак горла». Те немногие, кто навещал его, ужасались убогим условиям, в которых находился писатель: палата напоминала грязный барак. В больнице

Леонова собирался навестить ставший президентом Борис Ельцин, но передумал. Зачем Президенту России нужен советский классик?

В 1994 году Леонид Леонов издал свой последний роман «Пирамида». Если бы эта книга вышла на пять лет раньше, в те годы, когда взбудораженная публика рвала из рук в руки сочинения Анатолия Рыбакова и Александра Солженицына, ее бы прочитали. Не поняли бы, но все-таки прочитали: всей, ну или почти всей, читающей страной.

Но в 1994-м уже начали падать журнальные и книжные тиражи, а само мировосприятие русской интеллигенции, до сих пор истово верившей в силу слова, вступило в период тяжелой трансформации. В середине злополучных, суетливых, постыдных девяностых «Пирамиду», по большому счету, читать было почти некому.

...Это печальный вариант судьбы.

К счастью, у нас есть возможность рассказать все иначе. Так что взмахнем легкими веслами и вернемся на тот берег, откуда отчалили, чтобы переплыть эту реку заново.

Итак, отец Леонова был широко известным в свое время поэтом суриковской школы. Оба деда Леонида Леонова жили в Москве и владели собственными лавками в Зарядье. Большую часть детства Леонов провел в дедовских домах. Степенные, колоритные старики глубоко повлияли на Леонова. В сущности, Леонов стал последним счастливым свидетелем той старой, купеческой, домовитой, трудовой Москвы.

Он достойно отучился в школе и гимназии. Публиковаться начал еще в 1915 году в архангельской газете, редактором которой был отец писателя.

После революции Леонов перебрался в Архангельск. Летом 1920-го добровольцем уходит в Красную армию. В 1921-м его откомандировывают в Москву. В 1922-м он, совсем молодой еще человек, за весну-лето написал сразу добрую дюжину рассказов и повестей, и реакция первых слушателей была восторженной.

«Несколько месяцев назад объявился у нас гениальный юноша (я взвешиваю слова), имя ему — Леонов, — писал художник Илья Остроухов Федору Шаляпину. — Ему 22 года. И он видел уже жизнь! Как там умеет он ее в такие годы увидеть — диво дивное!»

Первые книги Леонова были опубликованы в 1923 году.

«Этот человек, без сомнения, является одной из самых больших надежд русской литературы», — напишет вскоре про Леонова Горький.

Леонова безоговорочно воспринимают как мастера, известность его быстро становится всеевропейской. Эпитет «великий» рядом с именем Леонова появится, когда писателю не будет и тридцати. Первое собрание сочинений Леонов выпустит в двадцать девять лет. Эмигрантская критика увидит в Леонове чуть ли не единственное оправдание всей советской литературе. Родная критика жалуется не всегда, но ее приязнь далеко не всегда могла быть показателем достойного литературного труда.

С середины двадцатых книги Леонова выходили почти ежегодно (кроме нескольких сложных лет накануне и во время войны) в течение семи десятилетий. Многие романы выдержали свыше двадцати переизданий. И книги эти многие годы имели своих благодарных читателей, Леонову присылали тысячи писем.

Произведения его переведены на все основные языки мира и многократно переизданы. Библиотека научных работ о Леонове — огромна, она в сотни раз превышает по объему написанное им и включает труды специалистов большинства европейских стран.

Влияние Леонова на всю русскую литературу глобально и не изучено во всей полноте.

Для одних Леонов был камертоном, по которому сверялось подлинное, значимое, важное. Другие, скажем, Владимир Набоков, сверяли по Леониду Леонову (и еще по Шолохову) свой успех. Известно, как вопиюще несправедливо

оценивал Набоков и «Тихий Дон», и «Барсуки». Как ревновал, когда в один день состоялись премьеры спектаклей по пьесам Леонова и во МХАТе, и в Малом театре...

Ни тому, ни другому не дали Нобелевскую премию, хотя Владимир Набоков заслуживал ее безусловно, а Леонида Леонова Нобелевский комитет в качестве соискателя премии рассматривал трижды...

Впрочем, что мы всё о литературе и о литературе.

Понятно, что, по словам самого же Леонова, «биография писателя — это его романы»; но и о жизни его тоже есть что сказать.

Леонов прожил без малого век, и судьба его стоит вровень с этим страшным и небывалым столетием. В разные годы века он бывал и очарован, и оглушен, но никогда не был раздавлен и унижен настолько, чтобы опуститься до бесстыдства и подлости.

До последних дней он сохранил ясность рассудка: белый, сухой, как древнее дерево, старик, он многие годы строил свою «Пирамиду» и в девяносто лет, и в девяносто один год, и в девяносто два. Глаза стали слабеть — так он держал в памяти десятки телефонов своих редакторов и помощников.

Читая «Пирамиду» и памятуя о шутке сановитых Михалковых, понимаешь, кто тут на самом деле соображал.

Тем более смешно поминать имя того самонадеянного чудака, мимоходом сказавшего: «...хоть бы одна зараза ради разнообразия призналась, что выросла на Леониде Леонове».

Смешно оттого, что имя Леонова — самое неудачное из числа тех, что он мог бы выбрать для своего суесловного рассуждения. Те, кто Леонова называл своим учителем, — первые среди литераторов, ставших сутью и крепью литературы второй половины века.

Леонову посвятил Виктор Астафьев одну из первых своих повестей. Под благословляющим именем Леонова он начинал свой путь.

Учителем называл Виктор Астафьев Леонова, уже сам будучи стариком, хотя какие вроде бы в такие годы могут быть учителя! А вот могут...